

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

ЖЕНЩИНА И МІРЪ МУЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Міровое творчество
и половая любовь.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВОБОДНЫЙ ПУТЬ“.
МОСКВА.—1913 г.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д.

Отъ автора.

Настоящая брошюра представляет собой часть задуманнаго труда, въ которой развиты его основныя положенія и иллюстрированы литературнымъ матеріаломъ.

Не противъ женщины, какъ таковой, направлена эта брошюра, но противъ иллюзій относительно нея.

Г Л А В А I.

1.

Неоткрываемый Сезамъ.

Кто же, наконецъ, женщина всемірной поэзіи—отраженная дѣйствительность или чистая мечта художника?

Возникла ли она, какъ отраженіе существующаго, реальнаго, или же создана она именно душевнымъ голодомъ, неудовлетвореннымъ влеченіемъ художника, дополняющаго дѣйствительность своей мечтой?

Когда былъ правъ обольщенный своей мечтой Донъ-Кихоть:—тогда ли, когда проходилъ крестный путь побоевъ, издѣвательствъ, войнъ съ мельницами и овцами, пылая страстью къ призраку своего романтическаго сердца—къ Дульцинеѣ, или же тогда, когда глубокая усталость и близкая смерть обнажили дѣйствительность отъ иллюзій и показали ему въ грязномъ коовникѣ краснощекую и дебелую Альдонсу-коровницу?

Не посмѣялся ли самъ сатирикъ и мыслитель надъ горькими иллюзіями человѣческаго сердца, надъ неправдой и ложью нашихъ обольщеній и не возвращалъ ли насъ къ голой реальности, къ ея безобразію и ея трагизму? По крайней мѣрѣ, въ исторіи съ Донъ-Кихотомъ художникъ показалъ,—какъ уродливую и жалкую, полную обидъ и издѣвательствъ, жизнь иллюзій смѣнила величавая смерть, принеся съ собой правду трезваго сознанія дѣйствительности. Только умирая, безстрашный рыцарь изъ Ламанча нашелъ мужество взглянуть реальности въ глаза, считаться съ тѣмъ, что есть, и не покрывать злую, страшную и сложную обычность покрывами иллюзій.

Героизму романтики, юношескихъ обольщеній—Сервантесъ противопоставлялъ героизмъ полного принятія кошмаровъ и уродствъ реальности, героизмъ чудовищной и горькой правды. Художникъ звалъ къ дѣйствительности „голою“, обнаженной отъ лжи, къ безстрашію принятія подлиннаго міра.

Прошли вѣка. Художники неустанно продолжаютъ дополнять дѣйствительность, неустанно вводятъ въ нее цѣлыя сонмы обликовъ непостижимой красоты. Влеченіе и голодъ души заставляютъ ихъ творить Дульцинейю, насильно вводить ее въ жизнь, слагая образъ ея изъ элементовъ своей же души. И созидая эту красоту призрачнаго, несуществующаго, воздвигая воздушные оазисы надъ міромъ реальнымъ, художники творятъ великую смуту въ нашемъ сознаніи.

Призраки сходятъ въ нашъ міръ, мы окружены ими, мы принимаемъ ихъ въ жизнь, дополняемъ ими дѣйствительность. Сознаніе реальной дѣйствительности теряется, и самымъ жалкимъ образомъ уничтожаемъ мы энергію жизненной воли, творящей жизнь: раздвигаясь въ своихъ усиліяхъ между мечтой и реальностью, она испаряется въ пустотѣ.

А смута, порожденная сліяніемъ мечты и реальности, растетъ, и адъсъ-то источникъ всѣхъ недоумѣній.—Влеченіе подымаетъ насъ на высоту,—реальность, достигаемая въ этихъ влеченіяхъ, сбрасываетъ насъ на дно. Вспоминаются всѣ элементы женскаго склада, женской души, сіяющей въ образахъ поэтовъ и художниковъ, и съ глубочайшимъ недоумѣніемъ оглядываешься вокругъ.—Гдѣ же чарующая теплота, свѣжесть и строгая прямота Татьяны? Гдѣ въ жизни дикая сила страстей и желѣзное сердце Юрдисъ или Гудруны? Душевная воля и изощренный разумъ женщинъ Э. По? Мятельность и кипучій водоворотъ душевной жизни женщинъ Достоевскаго?

А сіяющая чистота Беатриче? Или то нѣжное дѣвическое, что разлито въ безсмертномъ обликѣ Лауры?

Хотя бы одна женщина поэтическихъ вымысловъ, художественнаго воображенія прошла по землѣ, коснулась ея ногой, взглянула намъ въ глаза! Увы! Всѣ онѣ остаются спящими царевнами на страницахъ книгъ...

Когда художникъ создаетъ несуществующіе облики героевъ, въ родѣ Ивана Карамазова, или Фауста, то мы знаемъ, что каждый изъ этихъ героевъ цѣликомъ умѣщается въ душѣ создавшаго ихъ автора. Гете—вѣдь это реальный фактъ, и мы ощущаемъ его реальность, держа книгу въ рукѣ и читая въ этой книгѣ его душу. Точно также и относительно Достоевскаго. Значитъ, поскольку живъ и реаленъ Гете—живъ и реаленъ Фаустъ, и точно также живъ и реаленъ Иванъ Карамазовъ.

Но какъ же относительно женщинъ, созданныхъ воображеніемъ и душевной жаждой поэтовъ? Не напрашивается ли вы

водъ, что въ конечномъ счетѣ Беатриче—это душа суроваго Данте, а нѣжная Лаура—частица сознанія самого Петрарки? Оба этихъ созданныхъ поэтами женскихъ облика говорятъ намъ совсѣмъ не о томъ, какими бывають женщины въ мірѣ, а о томъ, каковы души поэтовъ.

Итакъ, признаемъ же, что создаваемые голодомъ и фантазіей поэтической души женскіе облики не есть документы о женщинахъ, а, наоборотъ, свидѣтельства о мужской душѣ.

Въ художественной литературѣ нѣтъ ни одного произведенія женскаго творчества, въ которомъ сіялъ бы намъ обликъ высшаго сознанія и высшей человѣческой силы, равный Фаусту, Манфреду, Прометею Шелли, князю Мышкину и Ивану Карамазову... Вянуть и никнуть, какъ истлѣвшіе клочки бумаги, вспоминаемыя при этомъ имена Жоржъ-Зандъ, Джоржъ Эллиотъ, Лагерлефъ, Гемфри Уордъ и др. Маленькое и убогое (надо же признать это!) женское творчество, подобное крохотному островку среди миллионовъ женскихъ жизней, питается крохами отъ обилія кипучей внутренней жизни, созданнаго мозгомъ творческимъ, инициативнымъ, въ отличіе отъ пассивнаго интеллекта женщины.

Но, хотя бы вся духовная культура человѣчества носила печать мужского сознанія и мужской воли,—все же какія цѣнности для усвоенія, какое оружіе для завоеванія равенства, какая помощь въ этомъ отношеніи!.. И развѣ, говоря о женщинахъ, мы не вспоминаемъ сейчасъ же знаменитый доводъ о ея „воспринимающемъ началѣ“, опредѣляющемъ, будто бы, и женскую судьбу и значительность ея роли въ жизни?

Жизнь въ лицѣ женщины не прислушивается къ искусству,—иначе при той колоссальной творческой энергіи, которая направлена именно въ сторону любовной лирики и любовнаго эпоса, при тѣхъ стараніяхъ украсить женщину, которыя заставляютъ каждаго поэта нести все новые дары духа въ одинъ и тотъ же храмъ созданной, сотворенной женщины,—она давно бы расцвѣла красотой ослѣпляющей. Не является ли жизнь въ лицѣ женщины непостижимо глухой и нѣмой къ искусству? На ея типъ, на ея душевный складъ, на особенности ея натуры культура духа слишкомъ мало вліяетъ, и женщина и нынѣ, какъ и всегда, несетъ на себѣ вліянія чисто стихійныя, растительныя, плотско-почвенныя. Въ то время, какъ основные типы мужчинъ, принятые театромъ и беллетристикой, такъ расчленились и умножились въ зависимости отъ новыхъ культурныхъ вліяній, отъ осложнившейся душевной жизни, отъ невѣдомой раньше остроты

и ёдкости эмоціональной стороны жизни,—женщина остается все той же въ немногихъ основныхъ своихъ типахъ.

Но вопреки всему, наперекоръ установленіямъ самой жизни—въ нашихъ представленіяхъ все еще такъ непостижимо связаны и соединены два такихъ по существу чуждыхъ и въ сущности враждебныхъ другъ другу явленія, какъ творчество и женщина. Достаточно бѣгло вникнуть въ психологію творчества, чтобы увидѣть, насколько одинокимъ, замкнутымъ, поглощеннымъ исключительно своимъ является мужчина въ художественномъ и мыслительномъ творествѣ.

Воспринимая внѣшнія впечатлѣнія міра, какъ хаотическій и разнородный матеріалъ, онъ этотъ матеріалъ усваиваетъ и превращаетъ въ нѣчто такое, что пронизано уже всецѣло всѣмъ тономъ его „я“, всѣми оттѣнками его души, что индивидуализировано и носитъ печать единственной мужской индивидуальности. Безразличныя сами по себѣ явленія служатъ для него источникомъ умственныхъ раздраженій, творческихъ эмоцій. Создаются его, художника, идеи, образы, замыслы, мотивы, настроенія, и ужъ, конечно, всѣмъ этимъ онъ обязанъ только своему творческому мозгу и все это не имѣетъ никакой настоящей реальной связи съ внѣшними объектами раздраженій. Любой предметъ можетъ натолкнуть писателя на какую-либо оригинальную идею, на характерное обобщеніе, вызвать комбинацію явленій, создать яркое положеніе... Чеховъ какъ-то въ бесѣдѣ съ пріятелемъ сказалъ, что на что бы онъ ни бросилъ взглядъ, хотя бы на чернильницу, стоящую на столѣ,—все можетъ вызвать въ немъ рой беллетристическихъ ассоціацій, натолкнуть на сюжетъ, на замыселъ.

И притомъ, воспринятое впечатлѣніе никогда не остается тѣмъ же въ творествѣ,—оно окрашивается въ глубинѣ души художника въ какіе-то тона, оно сливается съ иными, основными для души его чувствами. И выносимое изъ глубины впечатлительности на поверхность, въ творчество, оно является передъ нами совершенно инымъ, ибо передъ нами уже не воспринятое чувство, а созданіе художника, въ которомъ есть цѣлый планъ и которое сплошь проникнуто его „я“.

И если Рембрантъ изображалъ свою Саску ванъ-Эйнъ, а Рубенсъ—Елену Фурманъ, — то ни та, ни другая не явились въ творествѣ самими собой. Это образы поэтовъ, ихъ созданія, ихъ чувства. Ни одна возлюбленная поэта не можетъ надѣяться получить подлинное личное безсмертіе въ его твореніяхъ. Без-

смертіе она получить лишь какъ образъ и идея поэта, во что-то претворенная и душой его преображенная. Душа поэта замкнута, какъ замкнуть и міръ его творчества; туда входитъ женщина его воображенія, имъ созданная; реальной женщиныѣ туда не войти.

2.

Вѣчная химера.

Чѣмъ выше взлеты поэтического воображенія, тѣмъ дальше образы и идеи поэта отъ непосредственной реальной жизни и тѣмъ большая пропасть разверзается между творчествомъ поэта, поглощенного собой, своимъ творческимъ „я“, и обычной, „внизу“ текущей жизнью. Въ концѣ концовъ, для того, чтобы отъ мечтательныхъ, недосягаемыхъ представленій фантаста, мистика, пламенно взыскающаго лирика о жизни, о женщиныѣ, о любви, перейти къ обычной реальности явленій, необходимо перекинуть между мечтой и жизнью какой-то золотой мостъ, воздушную дорогу.

Покидая обычную дѣйствительность, давая себя увлечь по этой воздушной стезѣ, довѣрчивый и мечтательно настроенный читатель примиряется съ этимъ двойственнымъ воззрѣніемъ на міръ. На золотомъ мосту, въ воздушныхъ пространствахъ читатель въ общемъ чувствуетъ себя не такъ ужъ плохо; со страшной высоты бросаетъ потомъ оттуда онъ взглядъ на жизнь; обычная дѣйствительность покрывается туманомъ, надъ ней воздвигается какой-то золотой городъ фантастическихъ представленій, рожденныхъ голодомъ поэтовъ и мечтателей по абсолютному и красотой сияющему. Тутъ ужъ недалеко отъ той незамѣтной подставки созданнаго мечтой на мѣсто дѣйствительнаго, которую можно прослѣдить въ разнообразнѣйшихъ областяхъ жизни.

Литература показываетъ жизнь, уясняетъ ее, отражаетъ частныя явленія, возводя ихъ къ типическому, обнажаетъ душу міра, освобождая ее отъ частнаго, внѣшняго, мелкаго. Но литература и затуманиваетъ міръ, покрываетъ его ямы и провалы, нечистоты и уродства; порой она просто отводитъ отъ дѣйствительности и увлекаетъ къ маревамъ. И потомъ все это такъ странно комбинируется въ сознаніи не только отдѣльнаго чита-

теля, но цѣлыхъ поколѣній, что незамѣтно градъ облачный и градъ реальный переплетаются и сливаются въ нѣчто единое, связанное, перепутанное, такъ что ужъ нелегкимъ трудомъ является отдѣленіе одного отъ другого и уясненіе того, гдѣ же то, въ чемъ мы живемъ, и то, о чемъ мы мечтаемъ.

Идея Уайльда относительно прямого воздѣйствія литературы на явленія жизни, рождающей образы и оттѣнки красокъ сообразно вымысламъ художника, правильна постольку, поскольку именно и происходитъ въ массовомъ читательскомъ сознаніи это смѣшеніе образовъ литературы и явленій жизни. Несущестующія и никогда несуществовавшія нигдѣ, кромѣ творческаго воображенія поэта, Лауры, Беатриче, Лигеи, Мореллы, появляясь въ маревѣ поэтическихъ грезъ, все ближе подходятъ къ жизни и, наконецъ, происходитъ нѣчто фантастическое:—призраки, видѣнія фантастовъ начинаютъ играть роль въ дѣйствительной жизни, онѣ, какъ Эллисъ Тургенева въ его „Призракахъ“, пьютъ кровь мечтателей, отравляя ихъ снами, галлюцинаціями. И затѣмъ происходитъ нѣчто еще болѣе сказочное и поразительное:—женщина реальная въ глазахъ всѣхъ этихъ грезящихъ и жаждущихъ мужчинъ (а кто же не грезитъ и не жаждетъ въ опредѣленный періодъ жизни?) начинаетъ сливаться съ женщиной грезъ и вымысловъ, съ женщиной поэтовъ и мечтателей.

Быть можетъ, сама женщина и не смогла бы совершить этотъ чудесный обмѣнъ, это противоестественное сліяніе реального и призрачнаго; такого рода гипнозъ врядъ ли оказался бы для нея возможнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что мужчины сами навязали это сліяніе, сами создали его, дѣйствуя въ очарованіи властнаго самогипноза. Химера, созданная ихъ творчествомъ, ихъ возбужденнымъ мозгомъ, нервнымъ напряженіемъ, ихъ голодомъ и жаждой, стала хозяйничать и распоряжаться въ жизни, какъ нѣчто реальное.

Вѣроятно, только страшная неудовлетворенность, полная невозможность въ реальной женщинѣ найти то, къ чему влекутъ безумные юношескіе порывы, влеченія Платоновскаго эроса, — заставили поэтовъ и лириковъ всѣхъ странъ прійти на помощь реальности творческой мощью своей жаждущей и голодной души. Они, эти лирики, какъ бы, по всеобщему молчаливому соглашенію, принялись своими образами, своей лирикой, своими мечтами и химерами ткать для женщины какой-то воздушный и фантастическій нарядъ, чтобы закрыть ее, подлинную, реальную,